

Elizabeth von Arnim

ELIZABETH
AND HER GERMAN
GARDEN

Элизабет фон Арним

ЭЛИЗАБЕТ
И ЕЕ НЕМЕЦКИЙ
САД

Перевод Наталии Рудницкой

**LIVE
BOOK**

Москва
2023

УДК 82-3

ББК 84

А 84

Оформление обложки Анастасии Ивановой

*В оформлении обложки использованы иллюстрации
Boston Sunday Post (march 1916), iStock, Rawpixel, Engraving
by Pierre-Joseph Redoute (1827).*

*В оформлении книги использованы иллюстрации iStock,
Rawpixel, Engraving by Pierre-Joseph Redoute (1827).*

Арним, Элизабет фон

А 84 Элизабет и ее немецкий сад / Пер. с англ.
Н. Рудницкой. — Москва: Лайвбук, 2023. — 256 с., ил.

ISBN 978-5-907428-74-4

Атмосферная винтажная история конца XIX века. Дневник ироничной и наблюдательной леди, которая вышла замуж за немецкого аристократа и вполне счастливо живет с мужем в его родовом поместье. Элизабет заботится о семье, трех прекрасных дочерях, а также гостях дома, у которых такие разные ожидания от принимающих их хозяев. Однако самая большая радость Элизабет — роскошный цветочный сад. Сад — убежище от всех невзгод, сад — пространство для творчества, сад — место, где душа раскрывается навстречу природе. Дебютная полуавтобиографическая книга Элизабет фон Арним, вышедшая в 1898 году, моментально стала бестселлером и принесла писательнице славу. Полная любви, надежд и очаровательной наивности книга передает противоречивый, но все же преисполненный светом дух своего времени.

УДК 82-3

ББК 84

© Наталия Рудницкая, перевод на русский язык, 2022

© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2023

ISBN 978-5-907428-74-4

Предисловие к изданию на русском языке

9 февраля 1941 года в городе Чарльстон (штат Южная Каролина) скончалась Мэри Аннетт, графиня Рассел. Жители соседних домов еще в январе видели эту пожилую, но по-прежнему элегантную даму, прогуливающуюся по улицам в красивых платьях и костюмах, изысканных шляпках, в сопровождении своих родных и друзей. Она беззаветно любила жизнь, хорошие книги и сохранила даже в семидесятилетнем возрасте редкий дар любоваться окрестными полями и садами, наслаждаться дождями и ветром, туманами и солнцем. Догадывались ли жители городка, что эта невысокая приветливая женщина — знаменитая писательница? Об этом история умалчивает. И только некрологи в крупнейших газетах («Таймс», «Аргус») напомнили всем, что графиня Рассел была известна читателям во всем мире как Элизабет, автор популярного романа «Элизабет и ее немецкий сад» (1898). Некрологи содержали высокую оценку произведений, созданных на протяжении четырех десятилетий и отразивших, с незначительными вариациями,

бесконечные странствия графини Рассел по странам и континентам, семейные драмы и конфликты, увлечения и разочарования.

Автор некролога в «Таймс» отмечал: «Все, что писала Элизабет, было пронизано ее необычайно живой и привлекательной натурой, бесконечным остроумием. Слова так легко лились из-под ее пера, что она могла творить практически где угодно, между делом. Безусловно, литературный успех доставлял ей удовольствие, но она была далека от славы, скорее, она избегала ее, отказывалась беседовать с репортерами и издавала все свои книги анонимно». Обозреватель Норман Лилей подчеркивал ту же особенность творческого пути графини Рассел: при жизни писательницы подлинное имя автора никогда не значилось на обложках, но фраза «от автора книги „Элизабет и ее немецкий сад“» выступала в качестве своеобразного опознавательного знака для всех почитателей ее таланта. И действительно, Элизабет фон Арним была одной из самых популярных писательниц первых десятилетий двадцатого века, ее книги продолжают переиздаваться на основных европейских языках и в наши дни.

Кто же она, таинственная Элизабет? Мэри Аннетт Бошан (так звали будущую писательницу) родилась в Сиднее, в последний летний день 1866 года, но впоследствии ее семья вернулась в Великобританию, на историческую родину отца. По его линии Мэри Аннетт приходилась кузиной Кэтрин Мэнс-

филд, с которой она поддерживала дружеские отношения и чьим литературным талантом восхищалась. В 1889 году, когда Мэри совершала поездку по Европе со своим отцом, она познакомилась с немецким аристократом. Это был граф Геннинг Август фон Арним-Шлагентин. В 1891 году, после заключения брака, Мэри (которую уже тогда близкие называли Элизабет, по ее настоятельной просьбе) обосновалась на несколько лет в Германии. Она была хорошо образована, прекрасно начитана, но жизнь представительницы высшего света тяготила ее. Поворотным моментом стала поездка в загородное поместье супруга, Нассенхайд (Померания, в настоящее время — территория Польши), где Элизабет решила заняться садоводством и проводить все летние месяцы. Именно в Нассенхайде под влиянием новых впечатлений была написана первая книга «Элизабет и ее немецкий сад», вышедшая в издательстве «Макмиллан» в 1898 году. Вскоре были опубликованы «Одинокое лето» (1899), «Благодетельница» (1901) и другие произведения. Весной 1905 года в Нассенхайд пригласили писателей Э.М. Форстера и Хью Уолпола, которые выступили в роли наставников для детей фон Арним и оставили о своем пребывании в знаменитом саду и о его хозяйке довольно противоречивые, но интересные наблюдения.

После продажи Нассенхайда в 1908 году и последовавшей за этим смерти супруга, Элизабет фон

Арним поселилась на несколько лет в Швейцарии, в поместье с названием «Солнечное шале». Место превратилось в центр притяжения для многочисленных друзей и родственников писательницы. Первая мировая война и смерть дочери оказали существенное воздействие на мировоззрение Элизабет, и роман в письмах «Кристина» (1917), посвященный памяти дочери и насыщенный далеко не лестными комментариями в адрес немцев, был достаточно холодно воспринят публикой. Однако это был уже не первый роман, на страницах которого писательница сталкивала два мира, две национальности, исследуя возникающие конфликты и противоречия. Здесь мы также находим отражение ее личного неприятия немецкого уклада жизни, которое постоянно выталкивало ее из Германии в другие страны. Видны в тексте и попытки забыть о том, что она сама теперь принадлежит к одному из древних немецких родов. Эта тема пронизывает романы «Приключения Элизабет на острове Рюген» (1904), «Фройляйн Шмидт и мистер Анструтер: Письма независимой женщины» (1907), «Жена пастора» (1914).

В 1916 году фон Арним вышла замуж за Джона Франсиса Стенли, графа Рассела, но брак оказался крайне неудачным. В 1919 году супруги расстались, хотя официального развода не последовало. В последующие годы Элизабет активно путешествовала по разным странам (Италия, США), длительное вре-

мя жила в Швейцарии (отголоски этих впечатлений мы находим в ее произведениях «В горах» (1920), «Колдовской апрель» (1922), и затем окончательно переехала к старшей дочери в США в 1939 году. В 1940 году выходит в свет ее последний роман «Мистер Skeффингтон», получивший высокую оценку критиков.

Творческое наследие Элизабет фон Арним отличается обширной палитрой жанров: романы-дневники или романы-воспоминания («Элизабет и ее немецкий сад», «Одинокое лето», «Благотельница», «В горах»); путевые заметки («Приключение Элизабет на острове Рюген»); эпистолярные романы («Фройляйн Шмидт и мистер Анструтер: Письма независимой женщины», «Кристина»), эскапистский роман («Колдовской апрель»), психологический триллер («Вера»). Особое место занимает «Книга мелодий для младенца Апреля» — это произведение для детей. О романах Элизабет фон Арним критики писали: «Неизменный юмор и изысканное озорство придает им особое качество „перечитываемости“ („re-readable quality“), в них присутствует глубинная, настоящая мудрость, и в них говорится о тех вечных ценностях, которые ни мода, ни время не смогут изменить».

Элизабет фон Арним была не просто энциклопедически образованным человеком, по воспоминаниям дочери, Лесли де Шарм, на протяжении всей жизни она очень много читала, вновь и вновь

возвращаясь к наиболее важным для нее авторам — Г. Д. Торо, М. Монтеню, Ч. Лэму. Кроме этого, она непременно брала с собой книгу всякий раз, когда отправлялась на прогулку, — любимые томики В. Вордсворта, Дж. Китса, И. Гете были всегда под рукой. Эта автобиографическая деталь отличает героинь многих ее произведений: они непременно стремятся выйти в сад, покинуть стены унылого дома, где ничто не дает пищи уму и фантазии, чтобы под сенью цветущих кустов или во время долгих прогулок по лесам и полям обрести утраченную гармонию.

Дебютный роман «Элизабет и ее немецкий сад» (1898) открывает целую серию произведений, где прослеживается мысль о необходимости единения человека и природы, так как это позволяет почувствовать присутствие Бога. Красота пейзажей оказывает благоприятное воздействие на человека, способствует обретению внутренней гармонии, в чем и состоит цель любой прогулки. Тот же эффект дает и пребывание в саду. Цветы и деревья «принимают» человека таким, какой он есть, со всеми его слабостями и недостатками, в любом душевном состоянии, а он раскрывает в ответ свою истинную сущность.

Элизабет фон Арним называла «Колдовской апрель» (1922) своим любимым романом: в одном из писем она определила его настроение как «нежную мелодию флейты, которая звучит в тот день, когда вы одни». Сквозная для всего творчества пи-

сательницы тема бегства приобретает особое звучание: попытка найти счастье вдали от дождливой и холодной Англии, скрыться от проблем на острове в солнечной Италии объединяет четырех главных героинь романа. Истории миссис Уилкинз, миссис Арбатнот, миссис Фишер и леди Каролины Декстер — это судьбы женщин разного возраста и жизненного опыта, которые вместе проводят месяц на острове Сан-Сальваторе и пытаются осознать собственные ошибки, найти ответы на волнующие их вопросы и начать все с чистого листа. Но так ли им всем нужны перемены или это только привиделось в лондонском тумане? Совершенное героями путешествие имеет как буквальный, так и метафорический смысл, и остров, чарующий ароматом глицинии, еще удивит своих гостей.

...На могиле писательницы выбита эпитафия «Parva sed apta» — «Маленькая, но подходящая». Юмор, искренность, любовь к деталям, умение увлечь за собой как в мир цветущих садов, так и в глубины человеческих переживаний, а главное — неповторимая легкость и свежесть, — вот что делает встречи с книгами писательницы поистине незабываемыми.

Мария САМУЙЛОВА,
*кандидат филологических наук,
исследователь творчества
Элизабет фон Арним*

7 мая

Я влюблена в мой сад. Пишу эти строки в чудесный предвечерний час, меня отвлекают комары и искушение просто наслаждаться сиянием свежей листвы, омытой недавним прохладным дождем. Где-то неподалеку примостились две совы, чей длительный диалог доставляет мне не меньшее удовольствие, чем трели соловьев. Сова-джентльмен говорит , на что сова-леди со своего дерева отвечает в несколько иной тональности , при этом интонационно завершая и дополняя ремарку своего хозяина и господина, как и полагается должным образом воспитанной немецкой сове. Они так настойчиво твердят одно и то же, что я уверена: говорят они обо мне, и говорят что-то неприятное, но я не позволю совиному сарказму меня запугать.

Это скорее не сад, а чащоба. В доме, не говоря уж о саде, в последние двадцать пять лет никто не жил, и это такое

прекрасное место, что я уверена: люди, которые могли бы здесь проживать, но предпочли ужасы городской квартиры, наверняка, как и большинство населяющих этот мир, обделены зрением и слухом. Носов у них тоже нет, как бы несимпатично это ни выглядело, — ведь мое ощущение весеннего счастья в немалой степени обязано запаху влажной земли и молодой листвы.

Я неизменно счастлива (на свежем воздухе, разумеется, потому что внутри дома — слуги и мебель), но счастлива по-разному, мое весеннее счастье никак не похоже на счастье летнее или осеннее, пусть оно и не сильнее, а прошлой зимой я, вопреки годам и наличию детей, танцевала от радости в скованном морозом саду. Однако, воздавая должное приличиям, танцевала за кустами.

Сколько же здесь черемухи! Ветви огромных деревьев клонятся к траве, черемуха сейчас в самом цвету, белые кисти, нежнейшая зелень — словно у сада свадьба. Я никогда не видела столько черемухи, она повсюду. Даже за ручьем, который огибает сад с восточного края, прямо посреди поля стоит огромное дерево, такое великолепное на фоне холодной голубизны весеннего неба.

Мой сад окружен полями и лугами, за ними — обширные песчаные пустоши и сосновый лес, а после леса снова пустоши; сам лес прекрасен и просторен — величавые розоватые стволы, над ними мягчайшие серо-зеленые кроны, у их подножья

ярко-зеленый черничный ковер и не нарушаемая ничьим дыханием тишина; пустоши прекрасны тоже, потому что поверх них смотришь в вечность, а когда выходишь к ним и подставляешь лицо заходящему солнцу, кажется, будто стоишь перед самим Господом.

Посреди этой равнины находится мой оазис из черемухи и всякой прочей растительности, в котором я провожу счастливые дни, а посреди оазиса стоит серый каменный дом с несколькими фронтонами, в котором я провожу беспокойные ночи. Дом очень старый, к нему много раз что-то пристраивали. До Тридцатилетней войны¹ здесь был монастырь, а теперь сводчатая часовня, чей каменный пол отполирован коленями благочестивых крестьян, служит холлом. Густав Адольф² со своими шведами не единожды захватывал монастырь, что должным образом зафиксировано в архивных записях, ибо нашему дому случилось стоять как раз на дороге между Швецией и несчастным

¹ *Тридцатилетняя война* — условное название ряда военных конфликтов в Священной Римской империи германской нации и Европе вообще, продолжавшихся с 1618 года по 1648 год и затронувших в той или иной степени практически все европейские страны. Война началась с религиозных столкновений между протестантами и католиками.

² *Густав II Адольф* — король Швеции (1611–1632), прозванный Львом Севера и Снежным королем.

Бранденбургом. Лев Севера вне всяких сомнений был персоной достойной и в своих действиях руководствовался исключительно убеждениями, кои наверняка принесли немало горестей мирным монахиням, также не лишенным убеждений, ибо он отправил монахинь в чисто поле на поиски крова и существования, способных заменить их здешнее тишайшее бытие.

Почти из всех окон дома мне видна равнина, взгляд не встречает никаких препятствий вроде холма, устремляется к синей линии дальнего леса, а на западе — к заходящему солнцу, и здесь тоже нет ничего кроме зеленой равнины, резко обрывающейся в закате. Выходящие на запад окна нравятся мне больше всех, спальню себе я выбрала на этой стороне дома, чтобы не терять времени, даже когда меня причесывают, и горничная приучена к исполнению своих обязанностей — пока ее хозяйка возлежит в повернутом к открытому окну шезлонге — молча, дабы не осквернять болтовней этот прекрасный и торжественный час. Девушка скорбит о моей привычке практически жить в саду; с тех пор, как она начала работать у меня, все ее представления о жизни, которую надлежит вести уважаемой германской даме, пошли печальным прахом. Окружающие убеждены, что я, мягко говоря, весьма эксцентрична, потому что весть о том, что я провожу все дни на улице с книгой в руках и что ни один смертный ни разу не видел, чтобы я шила или го-

товила, распространилась повсеместно. Но зачем кашеварить, если имеется тот, кто для вас готовит? Что до шитья, то горничные способны подшивать простыни куда ловчее и быстрее, чем я, и вообще все виды художественной работы иглой — от лужавого, они нужны лишь чтобы уберечь глупышек от попыток обрести мудрость.

Мы были женаты уже пять лет, когда до нас дошло, что мы могли бы использовать это место как жилье. Пять лет были потрачены на прозябание в городской квартире, и все эти невыносимо долгие годы я была совершенно несчастлива и совершенно здорова, из-за чего время от времени меня посещает тревожная мысль, что мое здешнее счастье обязано скорее хорошему пищеварению, нежели саду. И пока мы там впустую тратили жизнь, здесь, в этом прекрасном месте, одуванчики атаковали двери, тропинки заросли и стерлись, зимой им было ужасно одиноко, потому что их не замечали даже северные ветры, а в мае — каждом мае из этих прекрасных пяти — некому было любоваться черемухой и еще более восхитительной сиренью, разрастающимся год от года диким виноградом, пока в октябре все крыши не покрывались его кроваво-красными стеблями, совами и белками и всеми божьими птицами, а в доме не было ни единого живого существа, кроме змей, которые в эти глухие годы обрели привычку заползать по стенам в комнаты на южной стороне, когда старая экономка

открывала там окна. Покой, счастье, разумная жизнь — все было здесь, а мне и в голову не приходило сюда переселиться. Оглядываясь назад, я поражаюсь и не могу найти объяснения собственной медлительности: ну почему я раньше не обнаружила, что тут, в этом дальнем углу, находится мой рай земной? Невероятно, но я даже не думала использовать это место как летний дом, вместо этого каждый год на несколько недель отправляясь к морю со всеми ужасами тамошнего обитания, пока наконец в прошлом году, приехав ранней весной на открытие деревенской школы и прогуливаясь в еще голом и совершенно пустом саду, не обнаружила, что запах сырой земли и гниющих листьев вернул меня в детство, в счастливые проведенные в саду дни. Смогу ли я когда-нибудь забыть этот день? Он стал началом моей настоящей жизни, моего обретения зрелости, днем, когда я ступила в мое царство. Начало марта, серые безмолвные небеса, бурая безмолвная земля, влажная, еще лишенная листвы тишина полна печали и одиночества, а я чувствую тот же чистый восторг первого дыхания весны, который чувствовала в детстве, и пять впустую потраченных лет спадают с меня, словно поношенное платье; мир полон надежд, я приношу клятву природе, отдаю себя ей — с тех пор я счастлива здесь.

Моя вторая половина — человек снисходительный, к тому же, вполне вероятно, он подумал, что было бы неплохо кому-то присматривать за рабо-

тами по дому, в котором — по крайней мере, временно, — мы будем жить, за чем последовали шесть недель — с конца апреля по июнь — полных особенного блаженства, когда я была здесь совсем одна: предполагалось, что я буду надзирать за покраской и поклейкой обоев, но на деле я появлялась в доме только после того, как из него уходили рабочие.

Какая же я была счастливая! Я не помнила времени, полного такого совершенного покоя, с тех пор когда была еще слишком маленькой, чтобы делать уроки, и меня, выдав в одиннадцать часов кусок хлеба с маслом и сахаром, оставляли на заросшей одуванчиками и маргаритками лужайке. Хлеб с маслом и сахаром дано утратил свою привлекательность, но с тех пор я еще сильнее полюбила одуванчики и маргаритки, и никогда бы не позволила проходить по ним газонокосилкой, если б не знала, что спустя день-два они снова поднимут свои мордашки и будут выглядеть еще веселее и нахальнее, чем прежде. Все эти шесть недель я жила в мире одуванчиков и восторга. Одуванчики покрывали все три газона — точнее, это когда-то были газоны, теперь они превратились в луга, заросшие самыми разными чудесными травами, а под еще лишенными листвы дубами и буками показались голубые печеночницы, белые анемоны, фиалки и листики чистотела. Меня особенно радовала ясная, счастливая яркость чистотела: он был такой аккуратный, такой новенький, как будто над ним тоже потрудились

маяры. Потом, когда сошли анемоны, появились редкие барвинки и купены, и вдруг — словно взрыв! — расцвела черемуха. А затем, когда я уже привыкла к виду соцветий черемухи на фоне неба, распустилась сирень — огромное количество сирени, она группами по несколько кустов стояла среди травы, вперемешку с другими кустами и деревьями росла вдоль дорожек, береговой линией длиной в полмили, что начиналась от западной стороны дома, торжествовала на фоне темных елей. А перед тем, как закончилось время сирени, началось время акаций, под южными окнами расцвели четыре огромных куста серебристо-розовых пионов, и я была абсолютно счастлива, и благодарна Господом, и благодарна, и признательна, и — я не могу на самом деле описать то, что я чувствовала. Мои дни проплывали в розово-лиловой мечте.

Со мною в доме жили только старая домохозяйка и ее помощница, поэтому, оправдываясь тем, что я не хочу доставлять им лишних хлопот, я существовала на том, что моя вторая половина называет *fantaisie déréglée* — то есть на пище настолько простой, чтобы ее можно было отнести на подносе к кустам сирени, так что я, насколько мне помнится, жила все это время на салате, хлебе и чае, иногда

¹ *Fantaisie déréglée* (фр.) — здесь: необузданные фантазии.

на ленч старая домоправительница все же подавала крохотного голубя, дабы спасти меня от голодной смерти. Кто, кроме женщины, может выдержать шесть недель на салате, пусть даже этот салат освящен ароматом восхитительных куп сирени? Я выдержала, и с каждым днем моя благодать возрастала, хотя с тех пор салат мне разонравился. Как часто теперь, угнетенная необходимостью трижды в день ассистировать приему пищи в столовой — при этом в двух трапезах обязательно должны наличествовать мясные блюда, ибо иначе пострадает честь семьи — как часто теперь я вспоминаю о своих салатных днях, числом сорок, и о том благословенном времени, когда была здесь совсем одна!

По вечерам, когда уходили рабочие и дом оставался в распоряжении пустоты и эха, а старая домоправительница, подготовив мою комнатку в другом конце дома, укладывала свои замученные ревматизмом ноги в постель, я неохотно покидала своих друзей — лягушек и сов — и с замирающим сердцем запирала ведущую в сад дверь, и через длинную вереницу пустых комнат на южной стороне, в которых были только тени, эхо моих шагов, оставленные малярами стремянки и похожие на привидения груды малярного материала, намеренно медленно, напевая себе под нос, чтоб было не так страшно, шагала по каменным полам холла, поднималась по скрипучим ступенькам, шла длинным белым коридором, и, поддавшись наконец

панике, проскальзывала в свою комнату и на два замка и засов запирала дверь!

Звонков в доме не было, и я завела обычай брать с собой в постель большой колокол, которым созывали к обеду, чтобы, если испугаюсь в ночи, надевать как можно больше шума, хотя какой в том был смысл — не знаю, потому что услышать меня было некому. Горничная спала в маленькой келье без двери рядом с моей спальней, и в огромном пустом западном крыле мы были единственными живыми существами. Она явно не верила в существование привидений, поскольку мне было слышно, что она засыпала сразу же, как добиралась до постели, я в привидения тоже не верю, но, как сказала одна французская дама, которая, судя по ее произведениям, была весьма здравомыслящей, «*mais je les redoute*»¹.

Обеденный колокол как-то утешал: мне не приходилось в него звонить, но его присутствие на стуле возле кровати успокаивало меня, хотя мои ночи вряд ли можно было бы назвать мирными — отовсюду слышались странные звуки, шорохи и все такое прочее. Я часами лежала без сна, прислушиваясь к невозмутимому храпу горничной, а если и случалось задремать, меня тут же будил скрип какой-нибудь доски. По утрам, конечно же, я была смела аки лев и сама поражалась собственным ночным

¹ «*Mais je les redoute*» (фр.) — «Я их боюсь».

страхам, а теперь даже те ночи, когда я, подобно сказочным мальчикам, слышала в каждом дуновении ветра голоса и лелеяла свои страхи, кажутся мне восхитительными. Я бы с радостью снова дрожала по ночам ради того, чтобы вернуться в прекрасную пустоту дома, без слуг и обивки.

Как прекрасно смотрелись спальни, совершенно пустые, разве только с новыми веселыми обоями! Порой я заходила в те из них, которые уже были отделаны, и строила всевозможные воздушные замки, воображала их прошлое и будущее. Узнали бы монахини свои когда-то беленые кельи в этих комнатах, оклеенных обоями с радостным цветочным рисунком, со свежей белой краской? И как удивились бы они, увидев, что келья № 14 превратилась в ванную комнату с ванной достаточно большой, чтобы обеспечить чистоту тела, равную чистоте их душ! Они бы смотрели на ванну как на ловушку искusstителя, они испытали бы такой же шок, как испытала я, увидев грязь под своими ногтями в день, когда я утратила чистоту своей души — произошло это в пятнадцать лет, когда я влюбилась в нашего церковного органиста или, скорее, в промельк стихаря, римского носа и пышных усов, поскольку моему взору было доступно только это, и его черты я любила до беспамятства целых полгода, пока как-то раз, гуляя с гувернанткой, не встретила его на улице и не обнаружила, что его «неофициальное» облачение состоит из фрака, сопровождаемого отложным

воротничком, и шляпы-котелка, и в тот же миг разлюбила его навсегда.

Первый этап этого благословенного времени был само совершенство, поскольку я не думала ни о чем, кроме как о царящих вокруг покое и красоте. А потом вдруг возник он, тот, который имеет право возникать когда и где ему пожелается, и выбранил меня за то, что я не писала, а когда я сказала ему, что слишком счастлива, чтобы писать, он, похоже, оскорбился мыслью о том, что я могу быть счастлива в одиночестве. Я провела его по саду, по новым протоптанным мною тропинкам, показала ему акацию и сирень в цвету, и он заявил, что это чистейший эгоизм — наслаждаться в отсутствие его и отпрысков, и что сирень следует хорошенько обрезать. Я попыталась ублажить его ужином из салата и тоста, поднос с которым уже поджидал меня на ступеньках маленькой веранды, но ничто не могло ублажить Пылающего Гневом Праведным, и он объявил, что возвращается к покинутой мною семье. И уехал, а оставшееся драгоценное время было омрачено муками совести (коим я особенно подвержена) именно в те моменты, когда я была готова скакать от радости. Каждый раз, когда ноги несли меня в сад, я заставляла себя идти смотреть, как трудятся маляры, я усердно шагала по коридорам, я за один день высказала критических замечаний, сделала предложений и отдала приказов больше, чем за всю предыдущую жизнь, я регулярно писала

письма и передавала приветы, но не могла при этом сдержать досаду. Ну что поделаешь, если на самом деле и совесть чиста, и печень в порядке, и солнышко светит?